

Пла и Пунцернау против Андорры

[Pla and Puncernau – Andorra] (№ 69498/01)

Постановление от 13 июля 2004 г. [вынесено IV Секцией]

Обстоятельства дела

Лицо, приходящееся первому заявителю приемным отцом, а второй заявительнице – мужем, было выгодоприобретателем по завещанию своей матери и наследником ее собственности. В этом завещании, датированном 1939 годом, мать оговорила, что ее сын и наследник должен был передать свою унаследованную от нее собственность «ребенку (ее внуку), рожденному в законном и церковном браке». Если это условие не соблюдалось, то наследственная масса должна была перейти к другим наследникам из числа родственников по нисходящей линии. В 1969 году выгодоприобретатель по завещанию вступил в церковный брак со второй заявительницей, и они усыновили первого заявителя, приняв на себя всю полноту родительских обязанностей. В 1995 году актом, оформленным в частном порядке, приемный отец первого заявителя завещал ему унаследованную от своей матери собственность с пожизненным правом пользования, предоставленным своей супруге.

Наследственная масса перешла к наследникам в ноябре 1996 года. Исходя из точки зрения, что заявитель как приемный ребенок не мог извлекать выгоду из завещания, составленного наследодательницей в 1939 году, две правнучки этой женщины, которые также являлись потенциальными выгодоприобретательницами по завещанию, обратились в суд с гражданским иском. Их требования сводились главным образом к тому, чтобы акт, оформленный в частном порядке в июле 1995 года, был бы признан судом недействительным. Они также просили суд издать распоряжение о том, чтобы заявители передали бы им всё имущество и все средства, образовавшие наследственную массу, оставленную их прабабкой.

Суд первой инстанции отклонил эти исковые требования. Суд счел, что желания наследодательницы надлежало выявлять из смысла слов, использованных ею при составлении завещания. Ввиду этого обстоятельства и действовавших на момент высказывания ей в завещании своих пожеланий, суд пришел к выводу, что наследодательница отнюдь не намеревалась исключать из круга субъектов прав наследования ее собственности приемных или не родных по крови детей, поскольку если она намеревалась бы это сделать, то она прямо указала бы на это в завещании. Соответственно частный документ, составленный в 1995 году, не противоречил завещанию, продиктованному в 1939 году.

В мае 2000 года Высший трибунал правосудия Андорры по жалобе истцов отменил решение суда первой инстанции. Этот суд решил дать свое толкование желаниям наследодательницы. Основывая свою оценку обстоятельств составления завещания различными факторами, имевшими место в то время, когда наследодательница была жива, Высший трибунал правосудия постановил, что она не желала включать в круг субъектов прав наследования ее собственности приемных детей. Соответственно, Высший трибунал правосудия признал недействительным частный документ, составленный в 1995 году, и объявил, что правнучки наследодательницы были законными наследницами собственности своей прабабки, и

предписал заявителям вернуть им имущество и средства, о которых идет речь по делу. Последующие жалобы заявителей в отношении этого решения были отклонены.

По поводу Статьи 14 Конвенции в увязке со Статьей 8 Конвенции. Вопрос о применимости по делу положений этих Статей в контексте предварительных возражений государства-ответчика на жалобу заявителей. Права наследования внуков от бабушки и дедушки подпадают под категорию составляющей «семейной жизни», в данном случае, даже если наследодательница скончалась до того, как ее будущий внук был усыновлен.

Что же касается толкования такого в высшей степени частного инструмента, как оговорка в завещании человека, то следует заметить: вопрос о вмешательстве государства в осуществление человеком права на частную и семейную жизнь в контексте оговорки в завещании может быть поднят только в том случае, если суд страны даст такую оценку фактов или права, которая будет явно необоснованной, произвольной или которая вступает в вопиющее противоречие с фундаментальными принципами Конвенции.

Высший трибунал правосудия Андорры счел, что понятие «ребенок», фигурирующее в завещании, составленном в 1939 году, касалось лишь родных по крови детей. Европейский Суд не может счесть приемлемым такой вывод, поскольку он полагает, что правильное прочтение текста завещания не дает оснований для вывода о том, что наследодательница желала исключить из круга субъектов права наследования каких-либо усыновленных впоследствии внуков. Поскольку она могла бы сделать это, но не сделала, единственно возможным и логическим выводом может быть вывод о том, что в ее намерения это не входило.

Толкование оговорки в завещании, предложенное Высшим трибуналом правосудия противоречит общему правовому принципу, гласящему, что когда имеется недвусмысленное заявление лица, то нет необходимости исследовать намерения лица, сделавшего такое заявление. Поскольку оговорка в завещании, как она была сформулирована наследодательницей, не проводила различий между родными по крови и приемными детьми, то нет никакой необходимости толковать ее так, как это сделал Высший трибунал правосудия. Любой подобное толкование приравнивается к лишению судебным путем прав приемных детей на наследование. Европейский Суд не усматривает никакой законной цели, преследуемой таким образом проведенным различием, равно как Суд не видит никаких объективных и разумных оснований, на которых такое различие может базироваться. По мнению Европейского Суда, усыновленный ребенок, особенно ввиду того обстоятельства, что усыновление повлекло за собой принятие на себя усыновителями полной родительской ответственности, во всех отношениях имеет тот же правовой статус, что и ребенок родной родителям по крови: он является частью правоотношений и их последствий в семейной жизни и располагает всеми патримониальными правами.

Кроме того, в деле нет никаких материалов, свидетельствующих о том, что проведенное Высшим трибуналом правосудия различие требовалось в интересах публичной политики. Даже если предположить, что оговорка в завещании, о которой в деле идет речь, и требовала толкования судами страны, таковое толкование не может быть сделано исключительно в свете социальных условий, доминировавших в 1939 году и 1949 году. Суд Андорры не должен был проглядеть тот факт, что прошло 57 лет со дня, когда было составлено завещание, до дня, когда наследственная масса перешла наследникам, и за этот период времени в социальной, экономической и правовой жизни общества произошли глубокие перемены.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований Статьи 14 Конвенции в увязке со Статьей 8 Конвенции (принято пятью голосами «за» и двумя голосами «против»).

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд отложил решение вопроса о применении по делу данной Статьи Конвенции.